

УДК 164.031:351

Чуешов В.

доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философских наук и
идеологической работы Академии управления при
Президенте Республики Беларусь

**ZOON POLITICON КАК НОМО ARGUER, ИЛИ ОБ
АРГУМЕНТОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКЕ И
ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ В XXI ВЕКЕ**

*Рассмотрены основные идеи аргументологии, как философии теории и
практики аргументации и основные принципы новой аргументологической
диалектики, как нормативной модели диалога в их связи с государственным
управлением.*

Ключевые слова: аргументация, аргументология, аргументологическая
диалектика, государственное управление.

Чуешов В.

доктор філософських наук, професор, зав. кафедри філософських наук та
ідеологічної роботи Академії управління при
Президенті Республіки Білорусь

**ZOON POLITICON ЯК НОМО ARGUER, АБО ПРО
АРГУМЕНТОЛОГІЧНУ ДІАЛЕКТИКУ І ДЕРЖАВНЕ УПРАВЛІННЯ У
XXI СТОЛІТТІ**

*Розглянуто основні ідеї аргументології, філософії, теорії і практики
аргументації та основні принципи нової аргументологічної діалектики, як
нормативної моделі діалогу в їх зв'язку з державним керуванням.*

Ключові слова: аргументація, аргументология, аргументологическая
діалектика, державне управління.

Tchouechov V.

Doctor of philosophical sciences, Professor, Head of philosophy department of the
Academy of public administration, Minsk, Belarus

**ZOON POLITICON AS A HOMO ARGUE, OR ARGUMENTOLOGICAL
DIALECTICS AND PUBLIC ADMINISTRATION OF THE XXI-st
CENTURY**

The article deals with the problems of the argumentology and the new argumentological dialectics. The argumentology is a philosophy of theory and practice of argumentation and the argumentological dialectics is a normative model of a dialogue. They are up to date to the domain of public administration.

Key words: *argumentation, argumentology, argumentological dialectics, public administration.*

Введение. Новейшие исследования возникновения человека и общества указывают на их непосредственную связь не только с трудовой деятельностью, языком, бипедализмом, но также иерархией, социальным доминированием и убеждающей коммуникацией. Вместе с тем на последнее обстоятельство до сих пор в научной литературе обращалось недостаточно внимания. И даже в том случае, когда обращалось, нередко упускалось из вида, что убеждающая коммуникация еще на заре цивилизации была тесно связана не с превосходством в грубой физической силе тех, кто претендовал на лидерство, но с их способностью убеждать [1].

В такой перспективе формирование человека общественного, государственного, или, по Аристотелю, животного политического - *zoon politicon*, уже на ранних стадиях развития в гораздо большей степени зависело от убеждения, чем представлялось в классической теории естественного отбора. Данное обстоятельство до сих пор лишь отчасти учитывается теми современными эволюционными биологами и психологами, которые соотносят естественный отбор с технологиями обольщения половых партнеров [см.: 2]. Эти технологии на передний план антропополитикогенеза невольно выводят цвет, запах, форму и др. факторы социофизиологического обольщения, тогда, как собственно человеческий тип обольщения, связанный с мыслью и словом, т.е. убеждение отодвигается при этом на задний план.

Неразрывная связь убеждения, и шире – аргументации (социальной, речевой, интеллектуальной деятельности убеждения людей), с одной стороны, и политической кооперации, в том числе и государственного управления, с другой стороны, для специалистов, конечно, не является *terra incognita*. Многие успешные управленцы и в наши дни показывают замечательные образцы высокого искусства аргументации. Нельзя, однако, не признать, что их опыт и искусство аргументации предметом специального научного анализа, к сожалению, становились нечасто [3, с.23-25]. Во многом, по-видимому, потому, что государственное управление до сих пор исследовалось с помощью инструментов экономической, социологической, юридической, психологической, исторической и др. наук, но не науки об аргументации.

До середины XX в. с этим, впрочем, еще можно было как-то мириться, считая скорее бедой, чем виной, например, теории государственного управления. Ситуация, однако, коренным образом изменилась во второй половине прошлого века, после рождения *теории аргументации*. Эта теория в XXI в. представлена уже почти десятком разработанных учеными разных

стран лингвистических, логических, риторических, диалектических, прагматических и др. разновидностей.

Многие из них уже включены в программы подготовки управленцев в развитых странах мира. В Северной Америке, например, в виде теории критического мышления, информальной и современной формальной логики, а также риторики. В Западной Европе подготовка в сфере государственного управления сегодня зачастую увязывается с освоением таких теорий аргументации, как новая риторика, прагма-диалектика и др.

Определенную нишу в мейнстриме соединения государственного управления с аргументацией занимает, например, белорусская система подготовки и переподготовки в области государственного управления.

В ней специалистов в области государственного управления сегодня обучают современной логике и риторике, последним достижениям перечисленных выше теорий аргументации, знакомят с принципами аргументологии и аргументологической диалектики.

Целью данной статьи является экспозиция некоторых из принципов аргументологии и аргументологической диалектики, которые позволяют лучше понять, в каком смысле человек государственный, или *zoon politicon* в XXI в. может и должен быть человеком аргументирующим, *Homo arguer*.

Что такое аргументологическая экспертиза деятельности Homo arguer?

Аргументологией мы называем философию теории и практики аргументации. Иногда введение в оборот термина «аргументология» не совсем точно увязывают с деятельностью других исследователей. Например, голландские ученые Ф. ван Эмерен и Р. Грутендорст еще в 1996 г. отмечали, что «если Брутян и Нарский (академик Армянской академии наук и профессор Московского государственного университета, - В.Ч.) компилировали теоретические исследования о том, что они называли аргументологией, рассматривая ее как особую отрасль философских исследований, то Чуешов (1993) систематически изложил теоретические и исторические основания аргументологии» [р.343]. Систематическое изложение идей аргументологии сегодня для нас означает следующее. Как наука о наиболее общих, или предельных (социально-исторических) основаниях теории и практики аргументации, аргументология отличается от логики, риторики, диалектики. Она, будучи новой философской наукой XX в., обобщает три типа знания: обыденное знание, или опыт и искусство аргументации, которые в концентрированном виде представлены, например, в словарях национальных языков; теорию(и) аргументации; историю философии аргументации.

Энциклопедическим источником опыта и искусства аргументации являются этимологические и толковые словари национальных языков.

В словарь современного русского и белорусского языка слово «аргументация» пришло из польского (латинского) языка. В толковом словаре нашего языка оно имеет четыре исходных базовых значения:

доказательство, обоснование, или приведение доводов(аргументов), убеждение и, наконец, причина, или разъяснение (уточнение).

Анализ опыта и искусства аргументации, проводимых в русском, белорусском, рискнем добавить, украинском языках позволяет представить

поле аргументации в виде квадрата, каждая из вершин которого характеризует одну из сторон процесса аргументации в целом.

Для обозначения сторон квадрата аргументации мы будем использовать, заимствованные из латинского и английского языков понятия: *демонстративной* (от *demonstratio* с лат. - доказательство, букв. демонстрация), *конфирмативной* (от *confirmatio* с лат. - обоснование), *персуазивной* (от *persuasion* с англ. - убеждение) и *экспликативный* (от *explication* с англ. - выявление (причины)) аргументации.

Опыт и искусство демонстративной и др. аргументации является основой их теоретического моделирования, дает представление об успешной практике доказательства, обоснования, убеждения и экспликации.

Обращение к интернациональной истории философии аргументации в Новое и новейшее время позволяет выявить следующие предпосылки современного моделирования аргументации.

Основные понятия и принципы различных теоретических моделей аргументации в науке и жизни развивались в разное время с разными скоростями. При этом каждая из них исторически оказывала неодинаковое влияние на систему образования, в том числе управленческого.

До середины XX в. в науке и образовании доминировала демонстративная модель аргументации, или модель аргументации как логического доказательства.

Предпосылки демонстративной теоретической модели аргументации стали формироваться еще в Древней Греции: в высказываниях Фалеса о доказательном рассуждении, учении стоиков об исчислении высказываний, Аристотеля о простом категорическом силлогизме и др.

Новый этап в теоретическом моделировании демонстративной аргументации начался в Новое время, после того, как Р.Декарт представил математику не только как идеал точной и строгой науки, но и как универсальный научный язык, соединив тем самым логику дедукции с математикой в одно целое.

Еще один важный шаг в объединение логики и математики, как главных средств моделирования демонстративной аргументации сделал немецкий ученый Г.Лейбниц.

Он не только предложил использовать многие общенаучные понятия: «модель», «функция» и др., но и разработал формальную логику первого и второго уровней: исчисление высказываний и исчисление классов (аналог узкого исчисления одноместных предикатов). Важную роль в становлении и развитии теории демонстративной аргументации имели результаты,

полученные С. Маймоном (Бен Йошей) (1753 – 1800), уроженцем Несвижа, который в 1794 г. в работе «Опыт новой логики» закрепил соединение логики и математики в одно целое с помощью выражения «математическая логика».

Несмотря на впечатляющие результаты, полученные с помощью демонстративной аргументации в науке, в 20-30 гг. прошлого века стали обосновываться свидетельства неуниверсального характера демонстративной модели аргументации.

Ключевую роль в этом процессе сыграли работы К. Геделя, А. Черча, А. Тарского и др. Геделем, в частности, уже в 1931 г. была представлена убедительная демонстрация тезиса о том, что даже в такой простой формальной системе, которая содержит арифметику натуральных чисел, имеется формула, которая, если данная система является непротиворечивой (построенной, заметим в скобках, в соответствии с требованиями принципа непротиворечия), не может быть ни доказана, ни опровергнута, и ее отрицание не может быть выведено из аксиом.

Это означало, что, например, формальное моделирование демонстративной аргументации в праве, государственном управлении и др. сферах общественной деятельности, принципиально не может быть представлено в виде механической, жестко детерминированной системы [ср.: 5]. Оставляя обоснование этого предположения за рамками данной экспозиции, здесь ограничим себя двумя его поддержками-пояснениями. Во-первых, сошлемся на известные перипетии, связанные с признанием научным сообществом доказательства российским математиком Г.Перельманом гипотезы А.Пуанкаре; во-вторых, укажем на своеобразие того типа наглядности, который задается сегодня в математике топологией, а также представлен в фигурах фрактальной геометрии.

Поведенная нами аргументологическая экспертиза демонстративной аргументации, позволяет утверждать, что *Zoon politicon* не делится без остатка на *Homō arguer* как субъекта демонстративной аргументации. При этом, разрабатывая различные сценарии государственного управления или строительства, сегодня трудно обойтись без использования, например, принципов неклассической, в частности, многозначной и модальной логик. Однако и в этом случае, уместно не забывать о том, что управлением государством с помощью демонстративной аргументации могут в принципе заниматься не только люди, но и машины, приспособленные для этого. Вместе с тем, субъект государственного управления и сегодня, как в прошлом должен, будучи все же *Homō arguer*, уметь обосновывать, убеждать, разъяснять и пр. Иначе говоря, он должен быть субъектом не только логической демонстрации, с чем сегодня, по-видимому, уже лучше справляется машина, но и субъектом обоснования, убеждения, выявления и уточнения разнообразных причин и следствий общественной жизни.

Не ставя перед собой задачу аргументологической экспертизы всех известных на сегодня теорий аргументации, или иначе, принципиально

возможных теоретических облиций *Homo arguer*, далее ограничимся лишь оценкой двух из них. Такой выбор объясняется тем, что модели аргументации

Ст.Тулмина и Х.Перельмана являются пожалуй, наиболее активно используемыми на Западе в самых разных сферах общественной деятельности.

Выбор их для аргументологической экспертизы оправдан также и потому, что они оказывают значительное влияние на подготовку уже нескольких поколений управленцев, юристов, педагогов в США, Великобритании, Бельгии, Франции, Канаде, Нидерландах и др. странах. Аргументологическая экспертиза этих моделей аргументации оправдана к тому же и потому, что они все еще недостаточно хорошо известны на постсоветском пространстве, а их аргументологическая экспертиза не реализовывалась не только в Беларуси, России, Украине, но и в тех странах, где они уже давно широко практически используются [5].

Текстологический анализ работы Ст.Тулмина «*The uses of argument*» (1958), позволил выявить две использованных в ней аргументологических идеи: 1) суд формальной логики по сравнению с судом Разума с большой буквы в деле изучения аргументации имеет ограниченную компетенцию; 2) оценка аргументации невозможна вне контекста истории и науки. По его собственным словам, Ст.Тулмин был приверженцем исторической и эпистемологической модели логики аргументации, что, на языке аргументологии, можно уточнить: конформативной модели аргументации.

Конформативная природа тулминовской модели аргументации проявлялась уже в использованной британским ученым терминологии. Жесткое ядро аргументации он называл независимым, константным полем аргументации, выделяя в нем следующие элементы: тезис, данные и демонстрацию. Они фиксировали не что иное, как очевидную в сети принципов именно *обоснования* ограниченность использования демонстративной модели аргументации.

Более того, ядро аргументации для Ст.Тулмина должно строиться в соответствии с закономерностями обоснования, и, следовательно, оно не являлось простым и(или) расширенным *аналогом* структуры логического доказательства.

В тулминовской модели аргументации корректно учитывались те принципиальные затруднения, которые обычно сопровождают практику обоснования. Они в процессе поиска взаимосвязи основы и обосновываемого сопряжены, прежде всего, с тупиками: регресса в бесконечность, круга в обосновании, а также использования в обосновании притянутых «за уши» каких-либо произвольных элементов, совокупность которых немецкий философ Г.Альберт удачно назвал *трилеммой Мюнхаузена*.

Оптимальная структура конфирмативной аргументации состояла, поэтому, не из трех, как в формально-математическом (логическом доказательстве), но, как минимум, из шести элементов: тезиса (claim), данных (data), обоснования (оправдания) (warrant), поддержки (backing), ограничителя (rebuttal), квалификатора (qualifier). Проведенная нами аргументологическая экспертиза структуры тулминовской модели конфирмативной аргументации, позволяет лишь отчасти согласиться с теми авторами, которые указывают на ее подобие структуре риторической эпихейремы, или персуазивной аргументации, строительным материалом которой являются энтимемы, или демонстративные умозаключения с пропущенными посылками.

Принципиальной характеристикой тулминовской теоретической модели аргументации была ее заточенность не на демонстрацию и убеждение, но *обоснование*. С этой точки зрения *zoön politicon* как *Homō arguer* должен был быть в первую очередь человеком умеющим обосновывать. Для него, поэтому, взаимосвязь основания и обосновываемого была явно большим и демонстративного мостика от данных, например, определенных фактов, истин к заключению (выводу - claim) аргументации, и персуазивных апелляций.

Обоснование (warrant) у Тулмина представляет собой, как показала его аргументологическая экспертиза, специальную *конфирмативную реконструкцию* связи фактов и вывода. Беря ее на вооружение, например, в практике государственного управления, важно не забывать о том, что в определенных контекстах конфирмативная и демонстративная модели аргументации в принципе могут совпадать друг с другом, тогда, как в других в государственном управлении машина человека не заменит.

Дело заключается в том, что за совпадающими между собой границами демонстративной и конфирмативной аргументации простирается широкое и необъятное *зависимое поле аргументации*. Это поле, согласно Тулмину, определяется, как социально-историческим контекстом реализации некоторой аргументации, так и, например, особенностями той правовой или образовательной системы, а также тех исторических традиций, в рамках которых реализуется аргументация.

Существенно отличную от тулминовской конфирмативной модели исследования и применения аргументации в том же 1958 г. предложил бельгийский ученый Х.Перельман и его ученица Л.Олбрехт-Тытека.

Для квалификации собственной модели аргументации Х.Перельман после определенных колебаний взял на вооружение понятие *новой риторики*. Это, однако, не исключило того, что реализацию неориторической модели аргументации применительно к праву и юриспруденции, сам Перельман иногда называл «юридической (правовой) логикой», тогда, как в других случаях даже новой диалектикой. В первом случае он ссылаясь на демонстративной, а во втором на конфирмативный потенциал собственной новой риторики. Исторически любая риторика всегда была и, как мне

представляется, остается и в наши связанной именно с убеждением персуазивной теоретической моделью аргументации.

В модели аргументации Перельмана использовались такие, принципиально неформализуемые категории, как частная (конкретная) аудитория (например, конкретная аудитория присяжных заседателей X,Y,Z). Противоположностью конкретной считалась универсальная аудитория, в которой в определенных культурах и цивилизациях могли быть представлены не только люди, но и животные. Ориентированная на убеждение конкретных людей в конкретной ситуации перельмановская модель аргументации с аргументологической точки зрения, безусловно, является персуазивной моделью аргументации. Персуазивная аргументация оказывалась, поэтому, повторим вслед за Перельманом, таким блюдом, которое готовилось не для поваров (например, аудитории управленцев), а гостей (аудитории управляемых), со всеми вытекающими отсюда последствиями. Она указывала на то, что *Homo arguer* в своей деятельности может использовать потенциал этоса, патоса, логоса аргументации, который, очевидно, лишь с трудом может быть освоен, если, конечно, освоен машиной. Рассмотренные выше теоретические модели аргументации и соответствующие обличья *Homo arguer*, заостряют внимание на его идеалах в XXI в.

Аргументологическая диалектика как способ выживания Homo arguer в XXI в., или вместо заключения

Квадрат аргументации покрывает собой все содержание наших споров, полемик, прений, дискуссий, или диалога в широком смысле этого слова. На языке аргументологии данная мысль выражается в виде основного аргументологического диалектического (диалогического) закона аргументации, согласно которому, чем меньший удельный вес будет занимать аргументация в жизни общества, тем больший удельный вес в ней будет иметь насилие и (или) угрозы по его применению и непонимание людьми друг друга.

Этот закон учитывает то обстоятельство, что высшей формой диалога, позволяющей найти и сохранить истину, является дискуссия, целью которой, собственно, всегда было совместное, кооперативное отыскание истины. Основной закон аргументологической диалектики конкретизируется в следующих ее правилах, которые отражают и демонстративные и конформативные, и персуазивные и экспликативные особенности аргументации.

Первое аргументологическое диалектическое правило гласит: всякий, кто стремиться к достижению конечной цели дискуссии, должен быть в этом заинтересован. *Второе аргументологическое правило* является продолжением и развитием первого, утверждая, что участвующий в дискуссии должен всячески способствовать достижению ее конечной цели.

Третье аргументологическое диалектическое правило утверждает – участники дискуссии должны быть всесторонне честными, объективными, экономными, точными аргументаторами [7].

Перечисленные выше аргументологические диалектические правила полезно дополнить также еще пятью другими правилами: 1) участники дискуссии свободны в выборе для аргументации любой точки зрения; 2) обязанность защищать точку зрения лежит на том участнике дискуссии, который ее выдвинул; 3) точка зрения, аргументируемая в дискуссии должна ее участниками пониматься объективно и адекватно; 4) используемые в дискуссии аргументы должны быть доказательными, обоснованными, убедительными, ясными; 5) итогом аргументации точки зрения должен быть либо отказ участников дискуссии от сомнения в ней, либо в случае плохой аргументации, отказ от самой точки зрения.

Резюмируя экспозицию правил новой аргументологической диалектики, следует заметить, что их нарушение обычно ведет к отказу от основного аргументологического диалектического закона аргументации и, следовательно, подрывает сами основы человеческого существования в XXI в., которые связаны с реализацией идеала *Homo arguer* в сфере государственного управления.

Литература

1. Herbert, G., van Schaik, K., Boehm, Ch. Zoon Politikon. The Evolutionary Origins of Human Political Systems / G. Herbert, C. van Schaik, Chr. Boehm // Current Anthropology. – 2015. – Vol. 56.- № 3. – Режим доступа: <http://www.umass.edu/preferen/gintis/hypercognition.pdf>. – Дата доступа: 1.10.2015.
2. Miller, G. The mating mind: how sexual choice shaped the evolution of human nature / G. Miller. - New York: Anchor, 2001. – 493 pp.
3. Чуешов, В.И. Ленин и аргументация / В.И. Чуешов // Интеллигенция и политика. - отв. ред. В.С. Меметов и др. – Иваново: Издательство ИГУ, 1991. – 125 с.
4. Van Eemeren, F., Grootendorst, R., & Snoeck Henkemans, F. Fundamentals of argumentation theory: A handbook of historical backgrounds and contemporary developments / F. Eemeren, R. Grootendorst, & F. Snoeck Henkemans. - Mahwah, N.J: L. Erlbaum, 1996. – 424 pp.
5. Ср.: Нагель, Э., Ньюмен, Дж. Теорема Геделя / Э. Нагель, Дж. Р. Ньюмен. – М.: Красанд, 2010.- 121 с.
6. Van Eemeren, F.H., Garssen, B., Krabbe, E.C.W., Snoeck Henkemans, F.A., Verheij, B., Wagemans, J.H.M. Handbook of Argumentation Theory.- Dordrecht, New York, London: Springer, 2014. – PP. 203-299.- 988 pp.
7. Чуешов, В.И. Основы современной логики / В.И. Чуешов. – Минск: Современное знание, 2003. – 204 с.